

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУССКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Н. Н. Помуран

INTERCULTURAL COMPETENCE OF RUSSIAN OLD-BELIEVERS

N. N. Pomuran

В статье на примере русских старообрядцев рассматриваются структурные и содержательные характеристики межкультурной компетентности. Межкультурная компетентность представлена как интеграционное качество личности, состоящее из пяти параметров: психофизиологические свойства, направленность, способности, коммуникативные качества и самооценка. В результате в статье раскрываются специфические характеристики межкультурной компетентности русских старообрядцев, проявляющиеся в сочетании строгой приверженности своим мировоззренческим установкам и уважения самобытности других этносов, сформированной в результате вынужденного позитивного межэтнического взаимодействия.

With the example of Russian Old-believers the structural and tenor characteristics of intercultural competence are considered. Intercultural competence is stated as the integration personal quality that consists of five parameters of an individual: psychophysiological constructs, orientation, skills, communicative skills and self-assessment. The paper results in revealing the specific characteristics of Russian Old-believers' intercultural competence, that is, the combination of strict adherence to own attitudes and consideration of distinctive characteristics of other ethnic groups. Intercultural competence of Russian Old-believers was a result of constrained intercultural interaction.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, межкультурно-коммуникативная модель, направленность, способности, коммуникативные качества, самооценка.

Keywords: intercultural competence, intercultural communicative model, orientation, skills, communicative skills, self-assessment.

Проблема межличностного, межгруппового взаимодействия представителей различных этнических групп может обсуждаться в двух аспектах: взаимодействие представителей этнических групп в поликультурном пространстве страны, с одной стороны, и межнациональные контакты представителей различных наций и стран – с другой.

Обращение к истории русских старообрядцев дает нам богатый опыт межкультурного взаимодействия. Старообрядческие поселения можно найти в нескольких странах: Румынии, Турции, Польше, Монголии, США, Австралии, Южной Америке (Бразилии и Уругвае), Канаде [10, с. 9]. На территории России старообрядцы также соседствовали с бурятами, якутами, алтайцами, казахами, мордвой, украинцами, белорусами.

В литературе встречается мнение о том, что старообрядческие общины жили в абсолютной изоляции от местного населения, в иных случаях специально для контактов с внешним миром избирался конкретный человек [1, с. 96]. Однако факт взаимодействия с местным населением подтверждается многими исследователями старообрядческого движения, такими как Ф. Ф. Болонев, Ё. Накамура, Р. Моррис.

В то же время нельзя отрицать, что контакты староверов с местным населением, в основном, касались хозяйственной и товарно-экономической сфер, т. е. имели ограниченный характер. Личные и дружественные, а также близкие соседские отношения старообрядцы устанавливали неохотно, при этом соблюдали достаточную дистанцию, чтобы не создать угрозы своей религиозной идентичности: «А белорусы, украинцы, вот Черноўка, там оне селились. Оне не то вражда, вражды не было такой. Оне, оне как говорит-

ся... люди, ну, с-с свои з наречие, свой язык, свои понятия» (Свинкина У. И., с. Заган) [2, с. 3].

Первоначально, страдая от малоземелья, староверы захватывали земли у местного населения, «порой не останавливались ни перед чем. Присмотрев понравившийся им участок, они вытесняли оттуда алтайцев такими средствами, как поджоги, разрушение посевов, отравление или угон их скота, опаживание и обсеивание юрт, даже избиение» [5, с. 192]. Таким образом, старообрядчество дает нам богатейший пример межэтнического взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности и весьма разнообразного по характеру: от конфликтного до мирного сотрудничества.

Изучая феномен межкультурной компетентности, А. Д. Карнышев рассматривает МК как интеграционное качество личности, состоящее из пяти параметров: психофизиологические свойства, направленность, способности, коммуникативные качества и самооценка. Опираясь на межкультурно-коммуникативную модель, проанализируем специфику межкультурной компетентности старообрядцев.

Многочисленные исследования социальных психологов доказывают что, внешность личности оказывает влияние на восприятие данной личности окружающими. Известно, что людей с привлекательной внешностью чаще наделяют положительными чертами характера, более высокими умственными способностями, с ними охотнее взаимодействуют и в большей степени доверяют. Преимущество в росте и силе помогает закрепить социально обусловленную власть над окружающими.

Современные исследователи староверов и очевидцы, такие как, Н. Н. Бурлаков, Г. М. Осокин, А. Е. Розен,

Н. Ф. Высоцкий, И. М. Золотарева, Ф. Ф. Болонев, отмечают у староверов исконные славянские физические данные: высокий рост, внешнюю красоту, утонченные черты лица. Так, М. И. Орфанов, побывавший у старообрядцев Забайкалья, писал: «Мало того, что красивых между ними очень много, они к тому же весьма крупный, сильный народ... Старики же бывают такие красивые, сановитые, что прямо просятся на полотно. Они могли бы послужить натурщиками для библейских сюжетов» [7, с. 41, 42, 44]. К привлекательной славянской внешности добавлялись выносливость, физическая сила и здоровье. Все это не могло не вызывать уважения и восхищения у окружающих, в том числе у представителей других этнических групп. Значительное превосходство в физической силе староверов служило серьезной заявкой на победу в случае конфликтного столкновения, что также не могли не осознавать и не принимать во внимание соседи. Сами потомки староверов и по сей день в качестве одной из своих отличительных черт отмечают «боевитость», умение защитить и постоять за себя [4].

Хорошее здоровье и выносливость достигались благодаря особой заботе о здоровом образе жизни. В семьях и общинах строго запрещались винопитие и табакокурение. Заботились и о здоровье потомства, поэтому к заключению браков относились очень внимательно. Браки заключались преимущественно в своей среде, со своими единоверцами. Так, генетический анализ крови, проведенный в наше время у 136 староверов, проживающих на северо-востоке Польши, свидетельствует об определенной степени генетической изоляции старообрядцев [11]. Однако при этом строго запрещалось кровосмешение, с этой целью перед заключением браков тщательно проверялось наличие родства до седьмого колена. У старообрядцев были зафиксированы случаи заключения браков как с русскими «никонианцами», так и с японцами, перекрещенными алтайцами, мигрантами-украинцами [1, с. 96]. И, судя по всему, здесь этническая принадлежность не имела значения.

Что касается направленности личности в структуре межкультурной компетентности, она раскрывается через общие мировоззренческие позиции по отношению к представителям других этнических общностей, а также мотивы, установки и стереотипы, отражающие отношение к лицам других национальностей.

Как известно, мир старовера делился на две части «свои» и «чужие». Граница этого деления была очень четкой: «свои» – это сторонники старой веры, все остальные, независимо от этнической принадлежности, – «чужие». Поэтому для старовера не существовало принципиальной разницы между русскими нововерами «никонианцами», бурятами, эвенками, поляками – все они принадлежали к миру «антихриста». Некоторые исследователи отмечают, что «чужой» для старовера вовсе не означал «плохой», а скорее всего «другой» [3]. Мы склонны считать что, отношение старовера к тем, кто находился «по ту сторону раскола», вряд ли можно охарактеризовать в нейтральных терминах. С одной стороны, староверы не испытывали открытой ненависти или вражды, с другой стороны, нельзя отрицать проявление феномена внутригруппового фаворитизма в их среде. Последнее побуждает

нас обратиться к доказательствам, изложенным А. Новоселовым, воспринятым им при посещении различных старообрядческих «учреждений», от молельни до монастыря. «Надо было слышать все то, что говорилось о «поганных никонианцах» и «слугах антихриста». Такую ненависть, ничем нескрашенную неприязненную ненависть, трудно себе и представить. Но этого требует буква, догмат и личность поморца неизбежно двойится. Сейчас же после собора, метавшего грома и молнии, к любому из этих старцев приходи «поганный никонианец» и он будет принят со всем радушием русского человека. Это было и со мной... Когда по приезде в монастырь, один из спутников представлял меня монахиням, то сказал: «он не христианин, но, кажется, не дурной человек», и «матушки», поклонившись в пояс, повели меня по всем уголкам, угощали хорошим обедом, вообще были любезны и предупредительны» [8, с. 400].

Все это приводит нас к выводу о том, что «чужой мир» для старовера был, прежде всего, недопустимым, неприемлемым и запретным. Осторожность и подозрительность, часто принимаемая за враждебность, проявлялись как защитная реакция на религиозную идентичность. Сами же старообрядцы никогда и никого не убеждали в своих взглядах, не заставляли жить по «своим» правилам. Известный исследователь старообрядческих общин в Канаде пишет: «староверы не стремятся обращать в свою веру новых людей, и в отличие от различных религиозных сект не пропагандируют свою веру, не занимаются миссионерской деятельностью» [12, с. 61].

Религиозные установки староверов запрещали принимать пищу за одним столом и из одной посуды с «чужими». Смысл подобного поведения порой страшил в тупик и был оскорбительным, но в большей степени для русского никонианского населения, т. к. они не могли понять и объяснить разницу религиозных воззрений «старой» и «новой» веры. Коренное население имело иные религиозные верования и осознавало, что данный запрет был продиктован не соображениями гигиены, а религиозными различиями. В своих записях православные миссионеры Алтая отмечали, что староверы не едят вместе с алтайцами, «считая все ихнее нечистым, но нечистым не в отношении нечистоплотности и неопрятности их, а в отношении религиозного состояния их как язычников» [5, с. 192].

Наличие у староверов обычаев гостеприимства еще раз доказывает, что смысл запрета принимать пищу из одной посуды и за одним столом с иноверцами заключался в проявлении защиты своей религиозной идентичности. Обычай требовал накормить любого, кто заходил в дом старовера, об этом свидетельствуют записи экспедиции к староверам Амура: «Раньше был такой обычай, кто зашел в избу, без чая никого не отпускали, всё» (Зайцев Н. Е., с. Новоандреевка) [2].

Ярким примером проявления мотивов, установок и стереотипов, отражающих стремление взаимодействовать с лицами других национальностей, приводит Н. Г. Архипова. Анализируя исход староверов из Амурского края в Китай, автор отмечает, что в ответ на воровство скота и урожая местными жителями ста-

роверы не шли на открытый конфликт, предпочитая не отвечать на незаконные действия [3]. В данном случае, внешне соглашаясь с претензией на превалирование со стороны доминирующего этноса, следуя его определенным установлениям и требованиям, внутренне зависимый этнос сохраняет негативное отношение к давлению, стремится не утратить своеобразие своих традиций и обычаев, остаться «самим в себе». Старообрядцы проявляли конформность по отношению к доминирующему этносу в силу различных причин. Во-первых, переезжая в другую страну, необходимо было время, чтобы «присмотреться», познать национально-психологические особенности доминирующего этноса. Во-вторых, старообрядцы не рассматривали представителей национальностей страны, в которую переселялись, в качестве членов значимой референтной группы и не желали ассимиляции, но в то же время боялись дискриминации. В данной ситуации конформизм помогал хорошо приспособиться к новым обстоятельствам, выжить и сохранить свои традиции.

Если же существовала прямая угроза жизни, староверы не примирялись и шли на открытый конфликт. Так, местность, куда переселились старообрядцы из Дальнего востока в Китай, контролировалась китайскими разбойниками (хунхузами). Местное коренное население боялось разбойников, и достойный отпор смогли им дать только старообрядцы [1, с. 95].

Мировоззренческие позиции, основанные на делении мира на «свой» и «чужой» стали основой отношения к окружающим. В стойкой приверженности жизненным принципам староверов усматривают упрямство, ригидность и излишнюю самоуверенность. С этим утверждением трудно не согласиться, однако, такая стойкая убежденность не может не вызывать уважение, т. к. благодаря этому старообрядцы сохранили свою самобытность, исконно русские традиции и старину. Кроме того, нужно признать, что практическая сторона жизни старовера, невозможность обойтись без торгово-экономического и хозяйственного сотрудничества с соседями со временем заставили проявить гибкость, терпимость и уважение по отношению к местному населению. Исследователь старообрядцев Алтая Р. П. Кучуганова отмечает, что староверы Уймона, хотя и жили преимущественно «своими порядками», все же с уважением относились к традициям алтайцев [6, с. 85].

Формирование и проявление межкультурной компетентности личности связаны со знаниями, навыками и умениями. Староверы были известны своими аграрными знаниями и хозяйственными умениями. В неблагоприятных для земледелия климатических условиях Сибири, Дальнего Востока им удавалось вводить в хозяйственный оборот новые нетронутые, порой малоплодородные угодья, выращивать все необходимые зерновые и получать хорошие урожаи. Возделываемые староверами поля отличались плодородием даже по сравнению с полями крестьян «никонианцев», традиционным занятием которых также считалось земледелие. Губернатор Восточной Сибири в начале XIX в. свидетельствовал об этом так: «Они и камень сделали плодородным» [4, с. 210]. Благодаря аграрным знаниям и способностям старообрядцы сни-

скали себе славу умелых земледельцев у местного населения. Такой имидж играл важную роль в бытовых и хозяйственных контактах с местным населением.

Слава старовера как умелого земледельца позволяла устанавливать торгово-экономические и хозяйственные контакты с местным населением. Переселяясь в Сибирь, староверы внедряли культуру земледелия, а т. к. земли им не принадлежали, её приходилось арендовать у местного населения – бурят. Буряты занимались преимущественной скотоводством, однако у них также была потребность в хлебе, поэтому за аренду земли староверы рассчитывались зерном. В свою очередь, семейские высоко ценили животноводческие способности бурят и часто нанимали их для выпаса своего скота, покупали или обменивали у них мясо и шерсть.

«– Дружно жили с бурятами? (Собир.)

– Ну, конечно, дружно. А че ж, сеяли на Тугнуе. Они к нам ездили, мы их чаем поили. Ночевали у нас ешшо. Раньше буряты на Тугнуе были, Бадашка был и Шапташка. Шапташка – батька.

– Двое, что ли? (Н. Г. Кушнарева, дочь информанта).

– Ну дак я говорю, к нам-то ездили, я про тоих-то говорю. К нам ездили Бадашка и Шапташка» [9, с. 272].

Постепенно общение с коренным населением перерастало в дружественные контакты. Буряты приезжали за угощением во время православных праздников. «И вот когда Пасха была, вот мама рассказывала, оне в своих красивых халатах, шапочки с кисточками, говорит, приезжали к нам. Такие красивые, говорит, на Пасху. Праздник когда был. Вот всё, говорит, сделаем. Они на Пасху приезжают» [9, с. 273]. В этом эпизоде обращает на себя внимание тот факт, что буряты тщательно готовились к подобным визитам, выбирая самую красивую праздничную одежду, проявляли уважение к обычаям и традициям староверов. Подобный пример взаимовыгодного сотрудничества в хозяйственных вопросах находим и у старообрядцев Алтая с казахами.

Способность учиться, замечать опыт местного и коренного населения также помогали быстрой адаптации в разных условиях. Так, у китайцев староверы Маньчжурии научились выращивать сузу (маслянистое растение) и мак. Перенимали и опыт использования нетрадиционной китайской медицины, например, научились варить панты, использовать женьшень [5].

Немаловажную роль в развитии межкультурной компетентности играет самооценка личности. Многие исследователи отмечают проявление высокомерного отношения к другим со стороны староверов: «тон в этих отношениях, безусловно, задавали старообрядцы – исходя из своих представлений о том, каковы должны быть эти взаимоотношения (характер, степень приближения и т. д.), никогда не заботясь о том, устраивают ли они другую сторону, не стараясь под нее подстраиваться. Такой подход мог вызывать у оппонентов раздражение и недовольство, но они были вынуждены терпеть и подчиняться, поскольку старообрядцы умели отстоять свои принципы. Вместе с тем, в некоторых случаях они могли сделать какие-то шаги навстречу своим оппонентам, не поступаясь при этом

своей самобытностью» [5, с. 195]. Представители некоторых этносов испытывали робость по отношению к старообрядцам. В подобных случаях эти взаимоотношения вряд ли можно назвать равными.

Мы уже не раз отмечали, что осторожность и подозрительность староверов ко всему окружающему зачастую принимались за высокомерие и гордость. Мы не склонны целиком отрицать проявление высокомерия со стороны староверов к окружающим. И все же в защиту старообрядцев можно привести некоторые доводы. Во-первых, высокая этническая самооценка старовера формировалась на фоне взаимодействия с враждебным окружением и защиты от него. В этих условиях староверы выработали модели защитного поведения, выражавшегося в сохранении дистанции, проявлении осторожности, а порой и подозрительности. Во-вторых, высокая самооценка староверов не была беспочвенной. Стойкая убежденность в правильности жизненных принципов и религиозных верованиях со временем только крепла, т. к. на протяжении нескольких веков истории старообрядчества принципы жизнедеятельности были доказаны жизненной практикой. Более того они до сих пор продолжают быть основой для потомков и привлекать последователей.

Факты заимствования из быта и хозяйственного опыта других народов, ранее описанные нами, доказывают то, что староверы с уважением относились к профессиональным знаниям и хозяйственному опыту своих соседей.

Старообрядцы, будучи деловыми, трудолюбивыми людьми, ценили данные качества и у представителей местного населения. Добросовестным работникам, независимо от национальности и вероисповедания, хорошо оплачивали за труд, могли также наградить и земель. В литературе описывается, как староверы Алтая подарили на свадьбу избу с необходимой утварью и скот кумандинцу, проработавшему у них несколько лет [5]. Подобные поступки свидетельствуют о проявлении уважения и равноправия к представителям других этнических сообществ.

Межкультурная компетентность напрямую связана с коммуникативными качествами личности. Поэтому, анализируя межкультурную компетентность личности, важно рассмотреть общие коммуникативные качества старовера и характер взаимоотношений в своей мононациональной среде.

Литература

1. Аргудяева Ю. В. Русские крестьяне в Маньчжурии // Известия Восточного института. 2010. Вып. 16. С. 89 – 103.
2. Архипова Н. Г. Оппозиция «свой – чужой» как категория осознания мира амурскими старообрядцами // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. Вып. 7. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/oppozitsiya-svoy-chuzhoi-kak-kategoriya-osoznaniya-mira-amurskimi-starobryadtsami>.
3. Архипова Н. Г. Тема исхода в Китай в рассказах старообрядцев (семейских) амурской области // Слово: фольклор.-диалектол. альм. Благовещенск, 2010. Вып. 8. Спец.: Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе: материалы науч. экспедиций. С. 37 – 39.
4. Винокуров М. А., Карнышев А. Д. Введение в экономическую этнопсихологию. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 304 с.
5. Куприянова И. В. Старообрядцы Алтая в системе этнокультурных связей // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 2(39). С. 191 – 196.

Религия староверов определяла допустимые и запрещенные формы речевого поведения. В своей среде старообрядцы ценили такие качества личности как сдержанность, умение говорить по существу дела. Неоспоримым свидетельством тому служат неодобрительные отрицательные высказывания в адрес многословных, крикливых, их называли «ботало», «зуда», «брякало», «пейка», «самопрядка», «шалоболка», «брехуша», «тряпалка». Но любили и тех, кто «не лез в карман за словом», умел вовремя включить в разговор острую фразу, мог дать собеседнику емкое и «разящее наповал» прозвище. Существовал строгий запрет и на ругательства, а тем более на нецензурную брань.

Взаимоотношения строились на основе взаимного уважения и с учетом возрастных особенностей и пола. «Слово старшего – закон» – к этой истине староверы привыкали с самого раннего детства. Соответственно строились и конкретные обращения и обхождения. Общение в близких по возрасту и статусу группах (особенно среди молодежи) было весьма демократичным, равноправным, взаимозаинтересованным и непринужденным.

Таким образом, у старовера формировалось позитивное, уважительное отношение к представителям своей общности, что положительно влияло на формирование межкультурной компетентности.

Известны также, что староверы знали языки коренного населения: «Я помню, бабушка Власиха по-бурятски хорошо говорила. Напакет хлеб, булок, сложит в сумку, на коня наперевес сядет, на коня верхом, и, говорит, шерсть менять. Но и меняет. Наменяет шерсть, привезет оттуда» [9, с. 275].

Итак, суровые условия выживания, непризнание со стороны официальных властей, вынуждали старообрядцев обращаться за помощью к представителям коренного населения, соседствующим с ними. Такое позитивное межэтническое взаимодействие заставляло проявлять гибкость, терпимость и уважение к представителям других национальностей, при этом, старообрядцы не поступались своими установками, традициями и верованиями, не подчинялись только прагматическим или практическим задачам. Положительные аспекты механизмов формирования межкультурной компетентности старообрядцев могут быть использованы и в настоящее время. Но для этого необходимо убедиться в возможности их применения в современных условиях.

6. Кучуганова Р. П. Русские в Уймонской долине // Горный Алтай: система жизнеобеспечения русского населения (историко-культурологический аспект). Горно-Алтайск, 2008. 149 с.
7. Мишла. (Орфанов М. И.) В дали. Из прошлого. Рассказы о вольной и невольной жизни. М., 1883.
8. Новоселов А. У старообрядцев Алтая // Новоселов А. Беловодье. Иркутск: Вост.-сиб. кн. изд-во, 1981. С. 381 – 406.
9. Тихонова Е. Л. Народные рассказы старообрядцев Бурятии о хозяйственных взаимоотношениях семейских и бурят // Вестник бурятского государственного университета. 2009. Вып. 10. С. 270 – 276.
10. Morris R. A. The Old Believers: The Survival of a religious and Cultural Heritage // The Journal of the Slavic and East European Folklore Association. Vol. VI. № 2. 2001. P. 5 – 10.
11. Pepinska W. et al. Genetic data on 15 STRs in a population sample of religious minority of Old Believers residing in the northeastern Poland // Forensic Science International. 2005. № 148. P. 61 – 63.
12. Scheffel D. In the shadow of Antichrist: The Old Believers of Alberta. Peterborough; Lewiston: Broadview press, 1991. 252 p.

Информация об авторе:

Помуран Наталья Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы факультета социальной работы и клинической психологии Новосибирского государственного медицинского университета, pomnatnik@mail.ru.

Natalia N. Pomuran – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work, Faculty of Social Work and Clinical Psychology, Novosibirsk State Medical University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.